
pocket**book**

rocket**book**

ПОХИТИТЕЛИ
НЕВЕСТ

Старый русский детектив

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
П64

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке:
Private Collection / Archives Charmet /
Bridgeman Images / Fotodom.ru

Похитители невест : старый русский детек-
П64 тив. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-096663-9

В книгу включены повесть «Три суда, или Убийство во время бала» А.С. Панова — профессионального литератора, трудившегося в судебном ведомстве, и избранные «сыщичские» рассказы с обязательной интригой, живым динамичным сюжетом Романа Доброго о «русском Шерлоке Холмсе» Иване Дмитриевиче Путилине, расследующем преступления вместе с доктором Z.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-096663-9

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Семён Панов

**ТРИ СУДА, ИЛИ УБИЙСТВО
ВО ВРЕМЯ БАЛА**

**Часть первая
СУД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ**

I

Бал

Я уже ложился спать, в надежде отдохнуть после нескольких часов усидчивой работы, как кто-то постучался ко мне в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Частный пристав Кокорин! — отозвался голос из другой комнаты.

Удивленный таким поздним появлением лица, с которым я обыкновенно виделся по утрам и только по служебным обязанностям, я предположил, что ему не просто вздумалось побеседовать со мною. Я накинул на плечи халат и отомкнул дверь.

Кокорин вошел с видом человека, сильно озабоченного.

— Уже первый час ночи, — сказал я ему. — Что за причина вашего посещения? И чем могу служить?

— Извините, дело срочное, я являюсь сюда по приказанию полицеймейстера...

— Да прежде скажите, как вы прошли к моей комнате? Я не слышал звонка.

Привычный, по моему званию, к беспрестанным происшествиям, я не горел особенным нетерпением немедленно узнать, в чем дело.

— Слуга ваш забыл запереть двери...

— Понимаю. Прошу садиться. Вы говорите — вас прислал полицеймейстер?

— Он приказал доложить вам об ужасном происшествии. У Русланова на балу убили дочь его, девицу Елену Владимировну...

— Может ли быть? Когда?

— Полчаса назад.

— Убийца задержан?

— Убийца неизвестен. Вас все ждут. Мы и протокола не составляли. Полицеймейстер распорядился, чтобы никого не выпускали из дома до вашего прибытия. Я приказал заложить экипаж.

Пока я одевался, пока секретарь мой собирал в портфель канцелярские принадлежности, частный пристав рассказывал:

— Сегодня у Русланова бал по случаю помолвки его дочери. Гостей собралось много; там теперь весь город и все уезды.

— Дочь Русланова должна была выйти, кажется, за Петровского? — спросил я.

— Так точно. Он там же. В разгаре танцев невеста почувствовала себя дурно и пошла в свою комнату освежиться. Не прошло пяти минут, как раздался крик. Петровский и многие из гостей бросились к ней... Ее нашли на кушетке умирающею...

— Что она: отравлена, задушена?

— Зарезана.

Я пожал плечами.

— И никаких следов?

— Никаких! Сколько я мог понять из слов полицеймейстера, который был на балу, — никаких!

Пришли доложить, что экипаж готов, и мы отправились. Скоро лошади остановились в одной из соседних улиц, около подъезда большого дома, из окон

второго этажа которого лился яркий свет. Мы заметили несколько лиц, прислонившихся к стеклам и, вероятно, нетерпеливо ожидавших моего приезда; швейцар отворил двери.

Я поднялся по лестнице, богато изукрашенной и уставленной растениями. Наверху ее стояло несколько мужчин во фраках. Увидав металлические пуговицы моей форменной одежды, один из гостей быстро удалился, но не успел я дойти до бальной залы, как удалившийся возвратился снова под руку с полицеймейстером, полковником Матовым.

Этот последний, пожимая мне руку, сказал:

— Ну, Иван Васильевич, и голову потеряешь! Что за причина: ничего понять нельзя! Во всем городе все тихо и смирно, и вдруг, где же? — на балу — убийство! Среди многочисленного собрания! И концов нет...

— Пока за мной ездил Кокорин, вы ничего не смогли разузнать?

— Ничего.

— А гости не разъезжаются?

— Я просил всех обождать вашего приезда; кто знает, не окажется ли между ними виновного.

Мы шли по зале. Целый рой дам в бальных туалетах мелькал перед моими глазами. Иные ходили взад и вперед; другие сидели или стояли.

Мужчины, густою толпою собравшись в кружок, передавали друг другу свои предположения насчет таинственного происшествия. Музыканты сошли с хоров и чего-то ожидали. На лицах мужчин я видел любопытство, на лицах дам — недоумение и ужас. Ко мне подошли несколько человек мужчин, прося освободить дам от тяжелой необходимости дожидаться составления какого-то акта, до которого им нет дела.

Я соглашался внутренне со справедливостью такого требования. Но, во-первых, мне еще ничего не было известно, и Матов мне ничего не передал о своих распоряжениях, кроме того, что все выходы из дома заняты городовыми, а между посетителями могли быть свидетели, показание которых представило бы существенную важность для начала следствия; во-вторых, такое распоряжение входило в состав не моих, а полицейских функций; а потому я попросил адресовавшихся ко мне обратиться к полицеймейстеру. Но этот последний уже ушел за понятиями, без которых, как известно, не совершаются осмотры.

— Где хозяин дома? — спросил я.

Мне ответили, что он, вероятно, возле трупа. Несколько мгновений я и секретарь мой оставались в недоумении, не видя никого, кто бы показал нам, где находится убитая. Один из слуг указал, наконец, дорогу. Проходя через гостиную, я заметил девушку, лежавшую в обмороке на кушетке. Это была одна из ближайших подруг покойной, около нее суетились несколько человек.

Пройдя сквозь ряд комнат, мы дошли, наконец, до запертой двери. Комната, в которой мы находились, была совершенно пуста. Я постучал в двери, но никто не отзывался. Слуга объяснил, что следующая комната есть именно та самая, в которой нашли Русланову убитую. Я повернул дверную ручку.

— Полиция! Боже мой, боже мой! — раздался слабый женский голос. — Зачем тревожат нас в такую минуту!

Это говорила мать убитой.

Бальное платье ее было изорвано и в крови. Она стояла на коленях, прислонившись головою к кушетке. Полнейшее отчаяние выражалось на ее лице. Кушетка помещалась как раз против дверей, в ко-

торые я вошел. Комната освещалась слабым светом тысячи лампы с розовым колпаком. Вся она была заставлена диванами, креслами и растениями. Направо и налево было по одной запертой двери. Позади кушетки было растворенное окно, выходящее в коридор. На сажень от этого окна в самом коридоре было другое окно, открытое в сад; других окон, выходящих на улицу или во двор, в этой комнате не было, и днем она освещалась через стеклянный потолок.

Я несколько мгновений оставался в недоумении, куда направиться. Мать убитой указала мне головою на правую дверь. Я очутился тогда в коридоре, увешанном портретами и освещенном рядом висячих ламп. Налево, почти в самом конце коридора, я увидал старика, лежавшего в креслах. Руки его были скрещены на груди, а голова свешена вниз. Лицо было покрыто смертельной бледностью; седые волосы спускались на лицо в беспорядке. Перед ним была запертая дверь.

Я слегка коснулся его плеча. Мы были знакомы — это был сам Русланов. Он меня узнал и, приподнявшись с кресел, сказал мне укоряющим голосом:

— Наконец-то вы приехали, господин судебный следователь! Посмотрите, что случилось! Боже мой! Боже мой! Вы должны раскрыть это дело. Не жалейте денег на сыщиков, но непременно раскройте злодеяние! — Он зарыдал и снова опустился в кресла.

Я старался успокоить старика и добиться от него какого-либо практического указания. Русланов только делал угрожающие жесты и клялся отомстить убийцам; к нам подошел полковник Матов, за которым следовали несколько мужчин.

— Вот, — сказал он, — понятия; я играл с ними в карты в кабинете хозяина, когда раздались крики.

— Где убитая? — спросил Матов.

— Вот тут! — показал старик отец, толкнув ногою дверь, перед которою мы стояли.

То была комната его покойной дочери. У образов горела лампада. Мебель была в беспорядке. За столом сидел городской врач, подле которого стояли две горничные. Мне указали на ширмы.

— Умерла? — спросил я.

Врач сделал утвердительный жест.

На постели за ширмами лежал труп, накрытый простынею.

Русланов удалился, рыдая.

Я приступил вместе с доктором к судебно-медицинскому осмотру тела. С трудом я узнал лицо Елены Владимировны. От ее прежней красоты остались лишь необычайной длины белокурые волосы, которые, бывало, волнами и кольцами падали на ее мраморные плечи. Лицо и шея были залиты кровью. Кровь смыли. Отвратительная рана зияла на шее. Края прореза, вершка в три длиною, были узки. По-видимому, она была зарезана острым ножом. Кроме того, правая бровь ее была наполовину отрезана.

Доктор заключил, что Русланова умерла от перереза сонной артерии. Мне объяснили, что когда прибежали на крик покойной, то ее нашли на той самой кушетке, у которой я застал ее мать. Когда она испустила последнее дыхание, ее перенесли в спальню.

Пока мой секретарь занялся перепискою набело акта, я расспрашивал о подробностях происшествия; тщетно полковник Матов до меня уже старался что-нибудь разведать. Я не был счастливее его. На первоначальные расспросы мои никто ничего не мог разъяснить: никто из гостей ничего не знал. Кто играл в карты, кто танцевал, кто разговаривал: вдруг все услышали крик и толпою бросились по направ-

лению, откуда он исходил. В комнату, в которой нашли умирающую, разом кинулось много народу из трех дверей. Елена Владимировна лежала на кушетке уже в предсмертной агонии и не могла произнести ни одного слова.

Мне оставалось исследовать комнату, в которой разыгралась кровавая сцена. Туда же я велел принести одежду и обувь, которые были на покойной; они, впрочем, не представляли ничего полезного для разъяснения дела; платье было в крови — иначе и быть не могло. Я поручил секретарю опечатать вещи. На мой вопрос, не было ли на покойной каких-либо драгоценностей, мне ответили, что на ней был бриллиантовый убор, который находится в ее комнате. Его немедленно тоже принесли по моему требованию. Убор состоял из бриллиантовой брошки, серег, ожерелья и звездочки. Меня удостоверили, что только эти вещи были на покойной, что все они налицо и что ничего не было похищено убийцей. Не видя среди окружавших меня лиц жениха, я спросил, где находится господин Петровский, не может ли он разъяснить что-нибудь?

Его разыскали. Это был высокий плотный мужчина, белокурый, лет тридцати от роду. Мужественная осанка не гармонировала с растерянным выражением его лица. Я ухватился за него, как кормчий за руль. Но руль оказался не слишком надежный. Под влиянием сильного волнения Петровский ничего ясно не помнил. Он с кем-то вальсировал, когда крик невесты заставил его броситься к ней на помощь. Выходил ли кто из комнаты, где совершено убийство, когда он в нее прибежал, он не заметил. До моего прибытия он ходил по всему дому, осматривал все углы — нет ли кого спрятавшегося, всматривал-

ся в лица, думая по их выражению угадать преступника.

— Было ли это окно растворено? — спросил я, указывая на окно, находившееся позади кушетки.

— Да, оно было открыто, да и никогда вообще не закрывалось; по цветам и статуям, которые на нем стоят, вы видите, что, не снимая их, закрыть окна невозможно, — ответил Петровский.

— А в коридоре за окном вы никого не заметили?

— Нет.

— А другое окно, из коридора в сад, тоже было открыто?

— Оно открывалось по временам с самого начала бала, для освежения воздуха.

Осмотрев тщательно всю комнату, я ничего не мог найти, никакого «вещественного доказательства». Только одна статуя на окне была разбита. Никто не мог объяснить, кто ее разбил. Статуя эта изображала Дон Кихота, рассказывающего о своих подвигах. Многие из гостей удостоверили, однако, что при начале вечера статуя была цела и оказалась разбитой лишь тогда, когда нашли Русланову умирающей. Нашлось несколько человек, которые утверждали, что спустя мгновение после крика они слышали, как что-то застучало, как бы падая. Но звук этот скорее был похож на удар бревна, свалившегося с крыши на мостовую, чем на падение небольшой гипсовой статуэтки. Музыка помешала многим услышать этот шум. Что бы мог означать этот непонятный звук?

Корнет Норбах объяснил мне, что он танцевал с Руслановой вальс, когда она сказала, что у нее закружилась голова, и ушла из зала. Через минуту после того она закричала. Он тоже побежал к ней и застал ее уже на руках жениха, окруженную густою

толпой. Ей многие предлагали вопросы, но она не могла отвечать. Ему показалось, однако, что она головою указывала на окно. Сопоставляя этот рассказ Норбаха с известием о слышанном шуме, я попросил Матова пойти осмотреть сад.

Сам я отправился в левые двери. За ними начинался новый ряд комнат. Но и в них я ничего особенного не нашел.

Гости не разъезжались теперь уже просто из любопытства. Я воспользовался этим, чтобы попросить их занять те места и положения, в которых они находились, когда раздался крик. Я сделал это для того, чтобы сообразить, по возможности, насколько можно было каждому следить за происходившим; наконец и для того, чтобы определить, кто из гостей мог заметить, когда и куда проходило то лицо, которое впоследствии могло бы оказаться убийцей. Многие довольно неохотно исполнили мое требование. Однако скоро каждый занял свое место. Музыканты взошли на хоры. Молодые люди стали среди залы, в которой они танцевали; пожилые дамы и мужчины уселись за оставленные ими карточные столы.

Сам хозяин стал в зале у входной двери в той самой позе, в которой он прежде наблюдал за весельем своих гостей. Прислуга заняла буфеты и столовые.

Оказалось, что в коридорах и комнатах, непосредственно прилегавших к покою, в котором умерла Русланова, никого не было в тот момент, когда раздался крик. Только в комнате, соседней с той, в которой был мною осмотрен труп, поправляла свой туалет девица Анна Боброва — та самая подруга покойной, которую я видел в обмороке.

Через час я обошел весь дом, в котором было до 50 комнат, и секретарь отмечал, по моему указанию,

имена, фамилии и род занятий каждого из присутствующих.

В половине третьего мы кончили нашу работу. Русланова умерла в двенадцать часов пятнадцать минут ночи.

Затем я объявил, что не встречаю надобности в присутствии гостей. Но почти никто не уезжал, дожидаясь, не откроется ли чего-либо важного.

Полковник Матов между тем вернулся и сказал мне, что у того самого окна, которое выходило из коридора, стояла, по словам прислуги, лестница, которая там всегда находилась на случай пожара. Теперь он нашел эту лестницу лежащую на земле под тем же самым окном. Я сам отправился в сад. Действительно, лестница лежала в том положении, как говорил полицеймейстер. По всей вероятности, ее падение произвело тот шум, который многие слышали. Судя по некоторым смятым железным листам на подоконниках во втором этаже, можно было дать еще более веры этому предположению. Лестница, падая, могла задеть их своим верхним концом. При свете фонарей мы разглядели на снегу свежие следы от сапог одного человека, по-видимому, недавно прошедшего от того места, где упиралась в землю лестница. Следы шли через сад к забору. Кое-где возле них виднелись капли крови. По другую сторону забора, на улице, они совершенно терялись в массе других следов.

Я вернулся в дом, чтобы узнать, не было ли в числе гостей архитектора, и, отыскав его, просил составить план дома. Он обещался доставить его мне на следующий день.

Гости стали разъезжаться, но между ними не было того веселого говора, с которым обыкновенно расстаются после бала.

Признаюсь, пробуждаясь не раз от тревожного сна, в котором я провел остаток ночи, я думал: не было ли все случившееся плодом сновидения, так необычайно казалось мне совершенное преступление.

II

Диадема

Следующий день принес с собою раскрытие новых обстоятельств, которые на балу не были обнаружены.

Падение лестницы давало повод предположить, что ее мог уронить сходящий по ней человек. Кто же другой мог быть этот человек, как не убийца Руслановой? Но вот задача: был ли он в доме Русланова до совершения им преступления, или же он вошел из сада по лестнице, убил Елену Владимировну и затем ушел тем же путем? Узнать это было чрезвычайно важно. Следы крови в саду давали основание предполагать, что бежавший преступник ранил себя, падая вместе с лестницею. Еще накануне словесные расспросы привели меня к убеждению, что никто из посетителей не уезжал с бала до моего приезда, и все были задержаны по распоряжению Матова. Но нельзя было поручиться, чтобы кто-нибудь не скрылся через окно, тем более что посторонний человек, который бы взобрался по лестнице, должен был бы знать наперед, что он найдет свою жертву именно в той комнате, которая сообщалась окном с коридором. Я был более склонен верить, что убийца находился на балу до совершения преступления.

С десяти часов утра квартира моя начала наполняться людьми, призванными к допросу. Хотя показания их уже были мне большей частью известны, но предстояло все-таки допросить их обо всем